

которые не хотятъ войти во нутренній міръ пасомага, не хотятъ снизойти до пониманія его ошибокъ, паденій, а лишь авторитетно и съ ожесточеніемъ обличаютъ ихъ заблужденія. Какою укоризною должны звучать для нихъ слова Апостола: „кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы я не изнемогалъ? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?“ (2 Кор. 11, 29). Конечно, и авторитетное слово, и мѣры строгости бывають иногда необходимы „для спасенія духа“, но пастырю, по примѣру Апостоловъ, нужно употреблять ихъ въ исключительныхъ случаяхъ.

Таковы основные принципы дѣятельности пастыря Церкви въ обращеніи заблуждающейся интеллигенціи ко Христу. Указать правила для каждаго отдѣльнаго случая нѣтъ возможности, потому что жизненные обстоятельства и индивидуальныя особенности слишкомъ разнообразны. Лишь бы пастырь Церкви былъ достаточно подготовленъ къ своей дѣятельности и горѣлъ желаніемъ исполнить свой пастырскій долгъ. Въ его дѣятельности ему будетъ сопутствовать благодать, врачующая немощное и восполняющая оскудѣвающее. Пусть онъ съѣтъ, пусть напоаетъ почву, Богъ же возраститъ. (1 Кор. 3, 6).

Θ. А.

(Орловск. Епарх. Вѣд. 1902 г. № 35).

Изъ путевой записи *)

въ июнь 1902 года.

По Волгѣ путь мой былъ до Рыбинска. Пассажиры не охотно расстаются съ пароходомъ и Волгою. Вотъ сосѣдь укладываетъ багажъ; спрашиваешь его: „вы уже оставляете насъ?“ — „Да, прощаюсь съ вами“, говоритъ онъ, а въ голосѣ слышится нотка сожалѣнія, что путь его по Волгѣ конченъ. Далѣе не имѣть ему такого пріятнаго отдыха со всѣми удобствами. Хорошо быть и дома въ кругу родной семьи, но здѣсь нельзя отрѣшиться отъ заботъ и суеты по дѣламъ, которымъ дома нѣтъ конца. Еще неохотнѣе переѣзжать

*) Сар. Епарх. Вѣд. № 18.

съ парохода на желѣзную дорогу. Впередѣ надо запасаться терпѣніемъ и быть готовымъ къ разнымъ непріятностямъ: тѣснота, толкотня, пыль, вагонная атмосфера, невольное сидѣніе на одномъ мѣстѣ,—все это даетъ не отдыхъ, а утомленіе; тутъ и прелестная природа скоро въ глазахъ путника теряетъ свою прелесть. Мнѣ кажется, едвали здѣсь и въ первомъ классѣ возможенъ такой покой и удобство, какимъ пользуются на пароходѣ всѣ и рабочіе.

Не стану описывать роскошную природу береговъ и населенныхъ мѣстностей по Волгѣ. Кто ихъ невидаль или о нихъ не читаль? Виды одинъ лучше другого. До Нижняго они обширные и величественные, а далѣе-болѣе красивы и какъ бы манять къ себѣ на лоно природы. Не потому ли выше Нижняго такъ густо заселены берега: города, монастыри, селенія съ заведеніями слѣдуютъ одно за другимъ; храмы Божіи, на радость православныхъ, красуются цѣлыми группами.

Въ Рыбинскѣ пересѣлъ я на чугунку, которая черезъ Бологое идетъ въ Петербургъ. Столица приковала мое вниманіе на цѣлую недѣлю. Почти каждый день имѣлъ удовольствіе быть въ Лаврѣ при богослуженіи. Здѣсь митрополичій хоръ стоитъ на высотѣ, а монашескій, съ одними басами и тенорами, мнѣ казался еще величественнѣе: слушалъ бы его цѣлый день. Благодаря конкамъ, трамваю, побывалъ и въ другихъ храмахъ и вездѣ, куда душа просилась.—3 іюля сѣлъ на пароходъ „Валаамъ“, который дѣлаетъ рейсы только въ свою св. Обитель.

Валаамскіе острова на Ладожскомъ озерѣ и въ проливахъ опускаются въ воду скалами, которыя высоко, часто отвѣсною прямою стѣною стоятъ надъ бѣздною. Дѣйствительно здѣсь воды —бездна. Въ иныхъ мѣстахъ у самаго берега подъ скалою глубина до 30 саж., а далѣе можетъ быть и глубже. Но приставъ у самаго монастыря имѣетъ берегъ не крутой. Послѣ морской качки, въ тиши пролива отрадно стало на душѣ. Всѣ возблагодарили Господа Бога за все. Часовенка набережная съ святыми иконами скоро засіяла горящими свѣчами отъ благодарныхъ паломниковъ.

Едва-ли кто съ парохода прошелъ мимо этой святыни безъ молитвы. Да и настроеніе души такое, что невольно хочется помолиться, подняться отъ земли къ небу.

Братія монастырская встрѣчаетъ гостей благодушно: принимаютъ отъ нихъ багажъ и нагружаютъ имъ возовую телѣгу, а другой экипажъ — легкій подаютъ для почтенныхъ старцевъ. По прямому направленію въ Соборную церковь подъемъ крутой со ступенями на главную аллею, а вправо — къ номерному корпусу гора отлагая, съ прекрасною шоссею дорогою мимо садовъ. Въ гостинномъ каменномъ корпусѣ любезно даютъ номеръ — помещеніе на одного — двухъ и болѣе человѣкъ, и вы распоряжаетесь временемъ и собою, какъ вамъ угодно.

Путь отъ гостиннаго номернаго корпуса въ монастырскій дворъ также идетъ прекрасною аллеей, мимо обширной площади, гдѣ стоитъ гранитный обелискъ, на которомъ золотыми буквами записаны посѣщенія обители Высочайшими Особами. Св. врата съ южной стороны ведутъ на передній монастырскій дворъ. Здѣсь кругомъ каменные корпуса (которые въ монастыряхъ вообще въ два этажа). Далѣе подъ зданіемъ келій другіе ворота, — ими входите на другой, главный обширный дворъ, окруженный также каменными корпусами. Тутъ уютныя келіи о. игумена и другихъ иноковъ, ризница, бібліотека, трапезная, больница, школа для сиротъ мальчиковъ, привозимыхъ изъ Петербурга и окрестностей его; тутъ-же разныя мастерскія. Среди главнаго двора красуется величественный и по архитектурѣ великолѣпный двухъ-этажный Соборъ съ высочайшею колокольней. И все это дѣло рукъ самихъ иноковъ; у нихъ свои художники, каменщики, плотники, столяры и всякія мастера. Между прекрасною живописью есть въ храмахъ иконы работы самого о. игумена. Здѣсь во всемъ и повсюду видится неусыпный умѣлый трудъ и молитва, а также и Божіе благословеніе.

Богослуженіе совершается истово по церковному уставу. На стихирахъ гласовъ даже *подобны* поются съ канонархомъ, а на канонѣ въ утреню каждый разъ пропѣваютъ пророческія великопостныя пѣсни. Литія совершается въ каждую всенощную. Пѣніе

вообще умилительное, вызывающее на молитву, такъ что и продолжительная служба не бываетъ въ тягость. Конечно мѣста сидѣнія много помогаютъ въ немощахъ человѣческихъ. Монастырскія порядки всё, какъ въ Аѳонскихъ русскихъ общежительныхъ обителяхъ.

Мнѣ удобно было познакомиться на Валаамѣ и съ схимниками. На богослуженіяхъ я занималъ мѣсто около схимоіеродіакона Веніамина. Съ нимъ, по выходѣ изъ церкви, не разъ бесѣдовали. Онъ съ полнымъ простодушіемъ повѣдалъ мнѣ, между прочимъ, и о своемъ прошломъ. Онъ сынъ богатаго Петербургскаго купца и торговалъ офицерскими вещами. Магазинъ ихъ фирмы и понынѣ существуетъ у его племянниковъ. Съ офицерами въ постоянной компаніи увлекся кутежами до того, что самъ на себя сталъ смотрѣть, какъ на неисправимо погибшаго. Отецъ долго уговаривалъ его пожить на Валаамѣ, авось не опомнится ли, не отрезвиться-ли. Здѣсь вина негдѣ достать, потому нерѣдко пріѣзжаютъ сюда съ цѣлю исправиться молитвами св. отцевъ. Онъ, наконецъ, послушался. Сначала отдалъ себя на всяческое послушаніе и даже въ черныя работы, но только испытывалъ свои силы, — а когда укрѣпился въ трезвой жизни, то уже боялся возвратиться домой. „Одно воспоминаніе прошлаго приводило меня въ трепетъ“, говоритъ старецъ. „Въ то же время страшно было разстаться и съ міромъ. Послѣ тяжелой борьбы рѣшился навсегда остаться здѣсь“. Эта бесѣда со старцемъ была послѣ вечерней службы; а утромъ встрѣчаетъ меня одинъ изъ старшей братіи и сообщаетъ: „знакомый вашъ старецъ о. Веніаминъ нынѣ ночью уснулъ вѣчнымъ сномъ“. Такъ безболѣзненна и мирна была кончина его. На погребеніи многочисленный сонмъ иноковъ окружалъ гробъ почившаго.

Благодаря любезности о. игумена я имѣлъ удовольствіе одинъ на лодочкѣ съ двумя гребцами плавать по проливамъ между островами и въ скиту св. Іоанна Предтечи посѣтить строгаго отшельника схимонаха Н. Сюда женщинъ не возятъ, да и мужчинъ мало допускають. Келейки изъ елевыхъ нетолстыхъ бревенъ въ сторонѣ отъ скита, въ чащѣ лѣса. Былъ день воскресный, часовъ 9 утра. Нескоро достучались. А когда онъ увидѣлъ предъ собою

такого же старца въ священномъ санѣ, лицо его просіяло. Съ братскою любовію принялъ онъ отъ меня благословеніе съ лобзаніемъ и пригласилъ въ келію; тутъ усадилъ меня на дощечки, покрытыя вретичемъ—вѣроятно постелька его; другого мѣста — посидѣть не было: келейка слишкомъ мала.

„Какую радость Господь послалъ мнѣ ради праздника!“ — заговорилъ о. Н. — У меня нынѣ сугубый праздникъ: сподобился причастится Святыхъ Таинъ, — такъ вотъ и просится душа подѣлиться своею радостію. Вотъ смотрю на святителей (на стѣнѣ бумажныя изображенія святителей: Петра, Алексія и Филиппа) и съ ними бесѣдую, а тутъ кстати вы пожаловали. Спаси васъ Богъ!

— Спасетъ Христосъ и васъ, отецъ святой. Миръ обители вашей!

— Слава Господу Богу, — мы здѣсь въ тихомъ пристанищѣ, подъ кровомъ Его, спокойны.

— Вотъ и мы посѣщаемъ ваши мирныя обители, чтобы здѣсь съ вами отдохнуть душою.

— Да, мы далеко отъ суеты житейской, а вамъ трудно жить на свѣтѣ между людьми.

— Очень трудно. Помогайте намъ, братіе, своими св. молитвами. Извѣстно-ли вамъ, что теперь творится въ нашей православной Россіи?

— Войны вѣдь нѣтъ по милости Божіей?

— Страсти человѣческія слишкомъ воюютъ: то крестьяне волнуются, грабятъ господъ помѣщиковъ, то на фабрикахъ забастовка рабочихъ, то ученая молодежь-студенты возстаютъ противъ власти; есть безумцы, которые кричатъ въ народъ: не надо Царя!

— Господи помилуй! Чего имъ надо?

— Не имъ это надо, а врагамъ Россіи. Они завидуютъ ея силѣ и хотятъ безъ войны ослабить ее: подкупаютъ и возмущаютъ молодежь и народъ простой.

— Эхъ молодежь ученая! Крестьяне-то народъ темный, — ихъ легко ввести въ заблужденіе, а вотъ ученымъ-то непростительно. Вотъ и выходитъ, что древо знанія не есть древо жизни.

Бога бы прежде искали. А Бога находять не умомъ, а сердцемъ, молитвою. Незнаніе-то наше не бѣда, а бѣда заблужденіе.

— Молитесь, отцы св., въ тиши своей за родную матушку Россію и за насъ — служителей церкви, да поможетъ намъ Господь въ борьбѣ за Царя и за вѣру православную. Слишкомъ много враговъ у насъ.

— Не страшны они, батюшка. Господь не допуститъ... Вотъ наша ограда и защита (указываетъ на стѣнѣ свят. святителей Московскихъ). Такія-ли бѣды видѣла Россія во время оно. Молитвенники наши и теперъ сохранять ее, только бы не ослабѣла ваша вѣра и упованіе на Бога. Помогите вамъ Богъ въ вашемъ пастырскомъ служеніи, чтобы вамъ и въ терпѣніи быть сильными!

Все говорилъ онъ отъ души, такъ что любо слушать его. Кто же этотъ старичекъ въ схимѣ, — ему за 70 лѣтъ, но еще съ краскою въ лицѣ, благовидный и мало сѣдой? Гдѣ онъ получилъ образованіе? На этотъ вопросъ я узналъ, что онъ солдатъ Николаевскихъ временъ. На долгой службѣ пользовался вниманіемъ одного добраго ратнаго командира, который далъ ему возможность научиться читать. А читалъ онъ только божественное. Изъ службы прямо удалился въ монастырь. „Теперь, говорить, я уже мало читаю книги; мнѣ пріятнѣе бесѣдовать съ Богомъ и съ своею грѣшною душею“. Вотъ какую науку онъ проходитъ до сего времени. Вопросовъ частной мірской жизни мы не касались. Мнѣ уже извѣстно, что строгіе монахи вообще не любятъ вспоминать о ней.

Отраднo благодатное чувство вынесъ я изъ кели старца. На возвратномъ пути прекрасно-роскошная природа валаамская казалась мнѣ еще прелестнѣе. Мнѣ хотѣлось долго, цѣлый день плыть на лодочкѣ и любоваться скалистыми берегами и весеннею зеленью хвойнаго лѣса, которымъ густо покрыты все острова, но вотъ открылась предъ нами вдали картина главнаго Валаамскаго монастыря... мысли переносятся къ святынямъ Преображенскаго собора. Тамъ въ верхнемъ этажѣ едва-ли окончилась поздняя литургія, а въ нижнемъ соборѣ раки преподобныхъ отцевъ Сергія

и Германа постоянно съ ранняго утра окружены толпами коленапоклоненныхъ богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи. Много глубокихъ вздоховъ, много слезъ приносятъ они тамъ Богу во исцѣленіе души и тѣла.

Въ воскресенье послѣ обѣденнаго стола, паломниковъ и гостей обычно возятъ пароходикомъ по ближайшимъ островамъ, на которыхъ скиты съ святыми храмами. Пассажиры заполняютъ мѣста на самсмъ пароходѣ и на двухъ большихъ лодкахъ. Прогулка эта доставляетъ вѣсьмъ великое удовольствіе. Путь, послѣ отвала, оглашается пѣніемъ тропарей: храма Преображенія Господня, препод. Сергію и Герману и другихъ церковныхъ стиховъ. Поютъ человѣка 4 изъ послушниковъ-пѣвчихъ съ кормчими-монахами и паломники. Другихъ иноковъ, не у дѣль, на пристани никогда не увидите. Вскорѣ въ проливѣ еще встрѣчается пароходъ съ противоположнаго берега озера изъ г. Сердоболя,—это финлядцы за 30 верстѣ совершаютъ сюда прогулку по воскреснымъ днямъ при хорошей погодѣ. Они то же, навстрѣчу русскаго корована, поютъ свои духовничя пѣсни подъ аккомпаниментъ обычной у лютеранъ духовной музыки. Религіозный восторгъ обнимаетъ всѣхъ при видѣ такого согласія націй во славу Божію. На берегъ финны не выходятъ; для нихъ вѣроятно составляетъ удовольствіе показать себя русскимъ, особенно гостямъ изъ Петербурга. А столичныхъ гостей на Валаамѣ, какъ видится, бываетъ не мало обоего пола всѣхъ сословій — отъ мастеровыхъ до превосходительныхъ особъ.

Въ каждомъ скиту для посѣтителей служатъ одинъ общій молебенъ храмовой. Къ 5 часамъ пополудни возвратились изъ скитовъ, поспѣшили напиться чаю и съ миромъ, помолясь Богу на пароходѣ, въ самомъ лучшемъ праздничномъ настроеніи отплыли обратно въ Петербургъ. Къ счастью нашему погода стояла прекрасная и на озерѣ не было волненія; только холодъ давалъ чувствовать себя.

Протоіерей Павелъ *Бобровъ*.